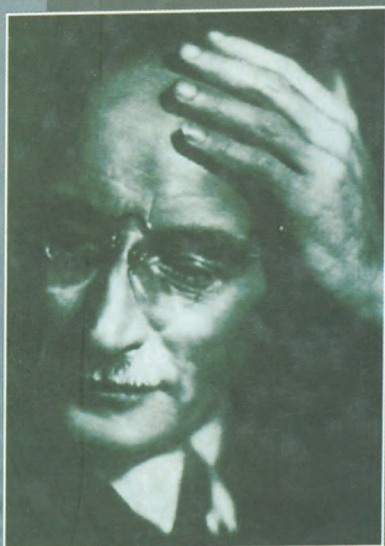

современная
западная
русистика

Борис
Эйхенбаум

Дж. Кертис

ДЖ. КЕРТИС

Борис Эйхенбаум:
его семья, страна
и русская литература

1-981025

Академический проект
Санкт-Петербург
2004

Редакционная коллегия серии
«Современная западная русистика»:

Б. Ф. Егоров (*председатель*),

Я. А. Гордин, А. В. Лавров, В. А. Туниманов, М. А. Турьян.

ISBN 5-7331-0275-6

© Дж. Кертис, 2004

© Гуманитарное агентство «Академический проект», 2004

Дж. Кертис

Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература / Пер. с англ.
Д. Баскина. Ред. Л. Мурзенкова. — СПб.: Академический проект, 2004
— 352 с. (Современная западная русистика, т. 49)

Первая научная биография замечательного российского филолога. Подробно рассмотрена история семьи Эйхенбаумов, формирование взглядов ученого, влияние его окружения и происхождения. Широко использованы материалы архива Эйхенбаума: его дневники и переписка. В приложении публикуются письма Эйхенбаума к родителям и В. Шкловскому.

Переплет *Ю. С. Александров*

Художественный редактор *В. Г. Бахтин*

Компьютерная верстка *А. Т. Драгомощенко*

Корректор *О. И. Абрамович*

ЛР № 066191 от 27.11.98

Подписано в печать 28.07.2003. Формат 84×108/32

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.

Усл. п. л. 22. Уч. изд. п. л. 18. Тираж 1500 экз. Заказ № 3020

Гуманитарное агентство «Академический проект»
191002, Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 6.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

*Из равнодушия выстрой стену
крепче камня,
из копыя, пронзившего плоть,
выстрой стену из стали,
расплющь его, размажь, заставь его
стать стеной из стали.
Да, это не счастье,*

*но Freiheit!
Носить свое имя,
никому не служить,
да было ли «свое» —
только сиротство —
и вдруг, время, что раньше
казалось таким коротким,
стало бесконечным —
точная земная модель...
вечности самой.*

Натаниел Тарн.

«Имена возвращаются»¹

Предисловие

Теплым майским утром 1985 года я подошел ко входу в высокий белый дом в центре Москвы на Смоленском бульваре, на встречу мне со скамейки поднялась стройная седая женщина. Так произошло мое знакомство с Ольгой Борисовной Эйхенбаум (1912—1999), а впоследствии — с письмами и дневниками ее отца, Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886—1959).

Как всякая русская история, этот рассказ имеет предысторию, представляющую некоторый интерес для американской русистики. Мой интерес к Борису Эйхенбауму и теории формализма восходит к началу 1970-х годов. В 1980-х я обратил внимание на упоминания в критических статьях Эйхенбаума имени философа Семена Франка. Когда я поделился своим предположением о возможной связи Эйхенбаума с Франком с моим коллегой Геннадием Барабтарло, выдающимся исследователем Набокова, он заметил: «Дочь Эйхенбаума живет в Москве. Почему бы вам не написать ей и не спросить об этом?» Я воспользовался советом и написал Ольге, вскоре пришел ответ. Она сообщила, что просмотрела копии писем отца и нашла ключевую цитату из Франка, которая приводится в главе четвертой настоящей биографии Эйхенбаума².

Вдохновленный этими вестями, я обратился с просьбой о гранте в Международную Комиссию по Исследованиям и Обмену (International Research and Exchange Board, IREX), финансировавшую поездки в Россию для целого ряда ученых на протяжении многих лет, которая была удовлетворена. Вот каким образом я оказался в Москве в вышеупомянутое утро. Беседуя с Ольгой и ее дочерью Лизой (Елизаветой Алексеевной Даль, урожд. Апраксиной, 1937—2003), я убедил их в своем неподдельном восхищении Борисом Михайловичем — убеждать их в необходимости публикации его писем и дневников нужды не было. Ольга вскоре дала мне разрешение скопировать архив, который представлял собой пачку машинописных страниц толщиной сантиметров пятнадцать. Я и не знал, что это только начало трудностей, с которыми мне суждено было столкнуться.

Сейчас странно вспоминать об этом, но в 1985 году в Москве не было общедоступных ксерокопировальных машин. К счастью, документы IREX открыли мне дверь американского посольства, и после переговоров с разными людьми я нашел того, кто разрешил мне пользоваться посольским ксероксом. Была, впрочем, всего одна проблема: электролампа, без которой машина не может делать копии, перегорела, и — поскольку дело было в Советском Союзе — новую можно было найти только в Вене. Организовали пересылку лампочки с самолетом из Вены, но к моменту ее прибытия срок действия моей визы истек. Огорченный всем случившимся, я вернулся домой и рассказал свою историю людям в IREX, где с тех пор получил прозвище «лампочника».

Благодаря сказочной щедрости IREX, мне дали еще один грант и в мае 1986 года я вновь оказался в Москве. Там я застал перестройку в полном разгаре; неподалеку от посольства даже открылся американский деловой центр, где имелся ксерокс, так что я наконец смог сделать копии. Более того, благодаря попустительству таможенников аэропорта «Шереметьево», мне удалось вывезти сделанные копии архива. Различные причины, в том числе мое трехлетнее пребывание в должности заведующего кафедрой, задержали публикацию до настоящего времени.

Мне приятно представить читателям биографию Эйхенбаума, а также публикацию его писем. Читатели, конечно, согласятся с утверждением Ефима Курганова, что «Эйхенбаум запечатлел быт поколения в своем эпистолярно-дневниковом наследии, огромном по общекультурной значимости и совершенно незаменимом для уяснения того, что на самом деле собой представлял пронесенный сквозь десятилетия союз опоязовцев»³. Обилие имен, упоминаемых в дневнике Эйхенбаума, свидетельствует о том, что он осознавал себя до некоторой степени летописцем интеллектуальной истории своего поколения в России.

Для того, чтобы эта книга выполнила свою задачу, а именно — расширила общее представление об Эйхенбауме, от «выдающегося представителя формальной школы» до «летописца истории культуры» — читатель должен пометить себе два понятия: «эволюция» и «плюрализм». Это ключевые понятия в философии Анри Бергсона — самого влиятельного европейского мыслителя с точки зрения формалистов, они помогут понять жизнь людей поколения Эйхенбаума и их время.

Конечно, понятие «плюрализм» многозначно. Акцент на плюрализме применительно к жизни Эйхенбаума означает, что формальная школа, выразителем идей которой он был, составляла

только часть его долгой и сложной жизни. Постсоветская славистика расширила сферу своих интересов, и в рамках этой тенденции мы также будем рассматривать Эйхенбаума не только как представителя формальной школы в литературоведении, «формалиста». Мы обратимся к тому, что Бергсон назвал бы *durée*, длительностью его жизни, и сделаем акцент на его эволюции — превращении рано развившегося, крайне интровертного молодого человека в счастливого молодого отца, новатора-борца в нервном и часто испуганного зрелого ученого, и финальной метаморфозе в одинокого старика, который оплакивает своих умерших жену и сына и в то же время мужественно сражается за высокие стандарты в науке. В основу этой книги легли письма и дневники Эйхенбаума, обогатившие мое заочное с ним знакомство. Жизнь этого человека двадцатых годов документирована полнее и интимнее других.

Плюрализм был высшей интеллектуальной и социальной ценностью для Эйхенбаума, и тем же он является для автора настоящей книги. Я стремился избежать субъективной оценочности, неизбежной при выборе того, что важно, а что нет, и сохранить то, что Лайонел Триллинг назвал «шумом и гулом» культуры. В дневниках и письмах Эйхенбаума эти шум и гул передаются через столкновение личного и общественного, философского и повседневного — так, как это происходит в нашей жизни.

Подобные столкновения характерны и для таких документальных свидетельств, как письма Мари де Севинье (Marie de Sevigné, 1626—1696) и дневник Самюэля Папюса (Samuel Pepys, 1633—1703), историческая ценность которых давно признана. Письма де Севинье и дневники Папюса оживляют для нас, соответственно, Францию и Англию шестидесятых годов XVII века, они значительно обогащают наше представление о прошлом — его людях, их образе жизни, заботах. Письма и дневники Эйхенбаума имеют такую же ценность, как исторические документы. Хотя его время гораздо ближе к нам, чем эпоха Севинье и Папюса, культура, к которой он принадлежал, сейчас кажется почти столь же отдаленной, как и культура XVII века. Мы знаем о Петербурге 1910-х годов едва ли не меньше, чем о Лондоне и Париже 1665 года. Немалую роль в этом сыграли советские ученые, которые пытались представить последние десятилетия существования российской империи как всего лишь подготовку к революции, тогда как западные ученые в период «холодной войны» уделяли основное внимание политической стороне собы-

тий. Теперь, с наступлением постсоветского периода в американской русистике, личные документы — письма, дневники — приобретают новое значение: по ним мы можем изучать петербургскую культуру как удивительный культурный феномен, вне политики — такой подход избрал бы и сам Эйхенбаум. Его письма и дневники дают нам личный контекст, который обогащает наше понимание его времени, культуры и его города.

Я использовал этот принцип помещения в контекст (контекстуализирования) в структуре настоящей книги, состоящей из двух частей, каждая из которых опирается на письма и дневники Эйхенбаума. Часть первая, «Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература», посвященная пяти поколениям Эйхенбаумов, — это биография Бориса Эйхенбаума в контексте истории его семьи. Истории таких семей как эта заслуживают внимательного рассмотрения с точки зрения славистики, тем более, что предшествовавшие исследования, неуверенно колебавшиеся между идеологическими абстракциями и психологическими частностями, отличало разительное игнорирование этого аспекта⁴.

Семья Эйхенбаумов — исключительно подходящий объект для такого исследования, поскольку она состоит — ни много ни мало — из пяти поколений. Но если семья является контекстом личности, а общество — контекстом семьи, то семья и общество тесно и напряженно взаимодействуют. Принципиальным для настоящей биографии является положение, что личное интеллектуальное развитие и социализация — это взаимосвязанные процессы везде, во всех обществах — в том числе и в России. Вот следствие из этого положения: индивидуумы не изолированы и никогда не могут быть изолированы от общества — хотя, конечно, могут отчуждаться от него. Поэтому может так происходить — и часто происходит — что культура говорит через личность. Я уверен, что ценность писем и дневников Эйхенбаума еще и в том, что их автор был именно такой личностью.

Семья Эйхенбаумов и различные ее представители являются знаковыми фигурами русской культуры потому, что они воплощают проблему ассимиляции евреев. Но стоит заговорить об этой, часто эмоционально заряженной проблеме ассимиляции евреев в России, как тут же наталкиваешься на серьезное препятствие — отсутствие необходимой исследовательской базы. Но в нашем распоряжении, к счастью, имеется альтернативная база для исследования — она заключена в следующей идее, высказанной

Зигмунтом Бауманом: «...так сложилось, что значительная часть социологической теории современной ассимиляции формулировалась через эксплицитные или имплицитные отсылки к опыту евреев»⁵. Большая часть этой социологической теории и практики базируется на опыте евреев в Германии и Америке, который стал предметом глубокого — чтобы не сказать одержимого — изучения.

Я обращаюсь здесь к исследованиям, посвященным евреям в Америке и Германии, потому что он является важной частью контекстуального аппарата настоящей книги. Конечно, между опытом евреев в России и разнообразными фацетами опыта евреев в Германии и Америке есть принципиальные различия — но обширная исследовательская база в последнем случае дает свидетельства того, что имеются также и исключительно важные элементы сходства. Я буду опираться на работы, касающиеся опыта американских и немецких евреев, для того, чтобы на этом фоне определить общий смысл судьбы Эйхенбаума.

Кроме того, еврейский опыт составляет важную — а по мнению многих и определяющую — часть современности в целом. А «современность в целом» — это именно то, к чему в советской науке строго запрещалось обращаться: преимущества советской науки — в прекрасных эмпирических исследованиях и конкретных анализах, но именно поэтому контекстуализирование так насущно необходимо пост-советской русистике. Поэтому проблема неадекватности исследовательской базы распространяется не только на анализ еврейского опыта — здесь могут пригодиться и труды общего характера, посвященные социально-культурным тенденциям современности.

Последовательность контекстуализации можно представить себе следующим образом: корпус опубликованных трудов Эйхенбаума хорошо изучен — настоящая книга представляет его дневники и письма в качестве контекста, личный дискурс которого обогатит наше понимание публичного дискурса его критических и научных сочинений. А западная теория, в свою очередь, поможет продемонстрировать последовательность и связность как публичного, так и частного дискурсов.

Такой способ контекстуализации научного наследия Эйхенбаума неизбежно заставляет обратиться к интерпретации формалистской литературной теории, с которой Эйхенбаума чаще всего воспринимают, как одну из фигур процесса ассимиляции евреев в русской культуре. Такая интерпретация поможет объяснить

шизофреническую реакцию на формализм, характерную для советского времени. С одной стороны, никто не сомневался, что формалисты были блестящими учеными, с другой стороны, все их ругали. Редко русские критики, от утонченных поэтов до неотесанных официальных демагогов, демонстрировали такое единодушие по культурным вопросам, как в нападках на формалистов. Собственно, критика формалистов быстро достигла критической массы и превратилась в отдельный под-жанр, который сам по себе может стать предметом исследования. Интерпретация формализма как движения ассимилирующихся евреев — это как раз одно из возможных направлений такого исследования⁶.

По этой причине биографический обзор в настоящей книге начинается не с Бориса Эйхенбаума, но вписывает его жизнь в более широкий контекст семейной хроники — начиная с его исключительно религиозного деда и заканчивая его в высшей степени светской внучкой — хроники, которая может служить микрокосмом еврейской ассимиляции в России. Поскольку в российской науке дискурс о евреях и иудаизме имеет, мягко выражаясь, жесткие ограничения и сводится главным образом к полемике, письма и дневники Эйхенбаума составят принципиально важный контекст опубликованного корпуса его работ. Глава первая, «Три поколения Эйхенбаумов», которая является, главным образом, опытом в области социальной истории, посвящена значению иудаизма в судьбах деда и отца Эйхенбаума, а потом и жизни самого Бориса Михайловича. В этой короткой главе собрана вся известная нам и, вероятно, вообще имеющаяся в наличии, информация об этих людях. Хотя сведений действительно крайне мало, они все же позволили нам создать связное семейное повествование.

Глава вторая, «Молодой провинциал в большом городе», сочетает элементы социальной, интеллектуальной и культурной истории в репрезентации эволюции Эйхенбаума от студента-медика к будущему биологу, далее к эстету и, наконец, литературному критику. Все эти бурные внутренние перемены происходили в контексте бурной петербургской жизни между двух революций.

Глава третья, «Социо-культурные факторы в развитии научной мысли Эйхенбаума», демонстрирует, что литературная критика Эйхенбаума развивалась в рамках социальной структуры ассимилировавшихся, или находящихся в процессе ассимиляции, еврейских интеллектуалов в Петербурге. Здесь рассматри-

вается значение евреев и иудаизма в Пушкинском семинаре С. А. Венгерова при Санкт-Петербургском университете, из которого вышли формалисты, как, впрочем, в большой степени, и советское литературоведение в целом. В этой главе рассматривается также долгое знакомство Эйхенбаума с Анной Ахматовой, поэзию которой он оценил одним из первых.

В главе четвертой, «Знакомство Эйхенбаума с книгой Семена Франка «Предмет знания»», анализируется формирующее воздействие этого еврейского мыслителя на Эйхенбаума. Я утверждаю, что эпистемологическое учение Франка дало твердое основание для сверх-субъективного анализа, оказавшего длительное влияние на Эйхенбаума, и на формализм в целом. Более того, отстаивая идею эпистемологического плюрализма, Франк формулировал классическое положение из числа тех, что устойчиво возникают в исследованиях по ассимиляции евреев в Америке.

Нападки на представителей формальной школы, начавшиеся практически с их первых печатных выступлений и определившие в большой степени научный климат двадцатых годов, настолько важны, что им специально посвящена глава пятая, «Антагонизмы двадцатых». Здесь мы переосмысливаем некоторые общепринятые положения этого полемического дискурса. На место оппозиций «формализм versus марксизм», «внутренняя критика versus внешняя» я предлагаю оппозицию «плюрализм versus монизм», которая имеет больший эвристический потенциал. И здесь дневники Эйхенбаума снова уравнивают публичный дискурс личным. Этот дискурс претерпел значительные изменения после того, как Сталин сосредоточил в своих руках неограниченную власть, о чем идет речь в главе шестой, «Сталин, Гитлер, и снова Сталин». Одним из аспектов этой перемены, оказавшим непосредственное влияние на Эйхенбаума, было то, что антисемитский подтекст ранних нападок на формализм в конце сороковых годов стал явным. Впрочем, мысль о том, что в основе лежала оппозиция плюрализма и монизма, остается релевантной и здесь.

В финальной главе, «Выжившие и сохранившие: Ольга и Лиза в Москве», мы возвращаемся к семейной истории первой главы и рассматриваем, как сложились судьбы дочери и внучки Эйхенбаума после его смерти. После смерти своего мужа, актера Олега Даля, Лиза снова стала жить вместе с матерью. Эти две женщины, обе вдовы, сохраняли память о двух мужчинах, которые зна-

чили для них больше всего на свете — отце Ольги и муже Лизы. Они делали то же, что и многие русские вдовы в XX веке.

Во второй части представлены письма Эйхенбаума к родителям, хронологически охватывающие тот же период, что глава вторая, и письма к Виктору Шкловскому, соответствующие по времени главам пятой и шестой.

Мне приятно выразить искреннюю признательность людям и организациям, без поддержки которых эта книга не состоялась бы. Прежде и более всего я благодарен Ольге Борисовне Эйхенбаум. Я глубоко сожалею о том, что она умерла, когда работа над этой книгой уже подходила к концу. Именно она подготовила машинописную копию писем и дневников своего отца, что значительно облегчило мою исследовательскую задачу. Мы часами просиживали на кухне ее московской квартиры — месте многих важных русских разговоров — и она рассказывала мне о своем отце и его долгой жизни. Ольга Борисовна сама по себе была хранилищем семейной истории, многие ее воспоминания я включил в часть первую. Для меня она стала воплощением, персонификацией русской истории, ее уход из жизни был для меня большой личной утратой.

За время моих многочисленных посещений этой квартиры на семнадцатом этаже Лиза Даль также стала моим добрым другом. То, что она рассказывала о себе и о своем умершем муже Олеге Дале, открыло мне незаслуженно забытый и недооцененный мир брежневского времени. Ее, как и всех Эйхенбаумов, отличали живость и острый ум.

Как я уже упоминал, два гранта IREX в 1985 и 1986 годах открыли мне доступ к архиву Эйхенбаума — а также обогатили опытом знакомства с эрой Горбачева, которая тогда как раз начиналась. Исследовательский Комитет университета Миссури-Колумбия дал мне исследовательский отпуск на 1997—1998 академический год, за это время я сделал большую часть работы. Летом 1997 года Андреа МакДауэлл, студентка последнего курса отделения русского языка и литературы Университета Индианы, получила грант на поездку и отправилась со мной в Москву в качестве личного помощника. Я хотел бы поблагодарить мисс МакДауэлл за ту неизменно веселую помощь, которую она оказывала мне при работе в мрачном читальном зале РГАЛИ. Летом 1998 года Розалинда Грей из Квинз Колледж в Оксфорде любезно предоставила мне номер в прекрасной гостинице этого университета на те несколько дней, которые мне понадобились,

чтобы проштудировать редкую советскую периодику в идиллической атмосфере библиотеки колледжа. Майкл Песенсон оказал мне бесценную помощь и поддержку при работе в библиотеке Стерлинга, в Йельском университете — я благодарен ему за его доброту. Ли Хаусмен помогла мне в конвертировании компьютерных файлов.

Настоящее издание поддержал грант от университета Миссури-Колумбия, которому я выражаю мою глубокую благодарность.

Я также хотел бы выразить глубокое почтение и благодарность Геннадию Барабтарло, который объяснял мне русские идиоматические выражения и малоизвестные советские реалии, а также Омри Ронену, который делился со мной своими энциклопедическими познаниями в русской литературе.

Я также должен и рад поблагодарить мою жену Донну, которая помогала и поддерживала меня в работе и во многом другом. Я счастлив, что в 1990 и 1994 годах у нее также была возможность познакомиться с Эйхенбаумами и насладиться вместе со мной их обществом.

За все недостатки и ошибки этой книги несу ответственность только я.

Чадс Форд, Пенсильвания
январь 2001

Материал книги.

Условные сокращения

В работе над письмами и дневниками Эйхенбаума я пользовался главным образом пачкой машинописных копий, сделанных Ольгой Борисовной. Она печатала на старой механической пишущей машинке, когда лента в ней стиралась, некоторые слова и целые фразы становились нечитаемыми. Это в особенности касается дневников конца 1940-х годов.

Я также работал в архиве Эйхенбаума — РГАЛИ, фонд 1527. В архиве находятся письма и дневники Эйхенбаума, а также многое другое, в частности, письма, которые ему писал брат Всеволод; несколько его писем жене Раисе, или, как он ее называл, Рае; некоторые официальные документы — такие, как свидетельство о браке Эйхенбаума, свидетельство о рождении Ольги Борисовны, и проч. Все цитаты из перечисленных источников приводятся мною по документам РГАЛИ.

Письма Эйхенбаума написаны из Петербурга/Петрограда/Ленинграда, иное специально оговаривается. Если текст находится не в письме, а на открытке, это также указывается.

В примечаниях используются следующие сокращения для заглавий работ Эйхенбаума:

АА — Анна Ахматова. Опыт анализа. 1923.

Л — Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. 1924.

ЛИТ — Литература. Теория, критика, полемика. 1927.

МТ — Молодой Толстой. 1922.

МВ — Мой современник. Словесность. Наука. Критика. Смесь. Ленинград: Издательство писателей в Ленинграде, 1929.

ОЛ — О литературе. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987.

СЛ — Сквозь литературу. Сборник статей. 1924.

Другие сокращения:

БВ — Биржевые ведомости.

ВЛ — Вопросы литературы.

ИК — Искусство коммуны.

З — Звезда.

КГ — Красная газета. Вечерний выпуск.

КУ — Книжный угол.

КЧ I — *Корней Чуковский*. Дневник, 1901—1929. М.: Современный писатель, 1997.

КЧ II — *Корней Чуковский*. Дневник 1930—1969. М.: Современный писатель, 1994.

ЛГ — Литературная газета.

НЛ — Новый ЛЕФ.

ПИР — Печать и революция.

РФ — *Виктор Эрлих*. Русский формализм: история и теория / Пер. с англ. А. В. Глебовской. Спб.: Академический проект, 1996.

ВЕ — *Carol Any*. Boris Eikhenbaum. Voices of a Russian Formalist. Stanford, CA: Stanford University Press, 1984.

Отрывки из дневников и писем Эйхенбаума появлялись в печати, часто без согласия Ольги Борисовны, и со множеством сокращений и пропусков. Список этих публикаций и библиографию работ Эйхенбаума см. в: ВЕ, Р. х-хi. За последнее время появилась еще одна неучтенная Эни публикация: Письма Б. М. Эйхенбаума к А. С. Долинину // З. 1996. № 5. С. 176—189.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
<i>Материал книги. Условные сокращения</i>	15

БОРИС ЭЙХЕНБАУМ: ЕГО СЕМЬЯ, СТРАНА И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Введение	18
Глава 1. Три поколения Эйхенбаумов	35
Глава 2. Молодой провинциал в большом городе	45
Глава 3. Социо-культурные факторы в развитии научной мысли Эйхенбаума	60
Глава 4. Знакомство Эйхенбаума с книгой Семена Франка «Предмет знания»	87
Глава 5. Антагонизмы двадцатых	124
Глава 6. Сталин, Гитлер, снова Сталин — и передышка	173
Глава 7. Выжившие и сохранившие: Ольга и Лиза в Москве	206
<i>Примечания</i>	214

ПИСЬМА БОРИСА ЭЙХЕНБАУМА

Письма к родителям	243
Письма к Виктору Шкловскому	299
<i>Именной указатель</i>	343